

НИКОЛАЙ
УСПЕНСКИЙ

ЗМЕЙ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
У77

Успенский, Н.В.

У77 3мей / Н.В. Успенский. — М. : Т8 Издательские техно-
логии / RUGRAM, 2019. — 142 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Васильевича Успенского «3мей».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	5
Старуха	7
Поросенок	37
Хорошее житье	51
Грушка	71
Змей	86
Ночь под светлый день	117
Сельская аптека	126

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

СТАРУХА

Был сентябрь в исходе; вечерело; шел дождик. В середине села Горемыкина, перед грязным мостиком с изломанными перилами, по ступицу в грязи стоял длинный обоз с рожжами. От усталых лошадей валил пар, некоторые из них встрахивались, громыхая уздами и бляхами на шлеях; иные вытягивались, перекашивали свои челюсти и заносили морду вверх, чтобы вытянуть из переднего воза торчавший клочок сена; а иные уныло посматривали на постоянные дворы, от которых неслись хриплые голоса дворников, сидевших на крылечках в нагольных тулупах: «Ночевать пора, ночевать!»

Извозчики, стоявшие по бокам обоза, молчали. Из дворников никто не двигался с места и не решался подойти к ним, понимая всю важность пропасти, утвердившейся на улице. Наконец, спустя немного времени, один из них, с рыженькой бородой, соскочил с своего крыльца и, хлякая ногами, подбежал к извозчикам.

— Что же?.. Пожалуйте, — заговорил он, — просим милости; двор просторный, чистый, никого нет... изба теплая — с трубой.

И дворник показал на трубу.

— Овес почему? — спросил один извозчик.

— Лишнего не возьмем, — произнес дворник. — Поворачивайте.

— Да что поворачивать... ты скажи, овес-то почему?

— Экой чудак! Думает, что его тут облупят. Ну, обыкновенно, семь гривен; поезжай куда хошь — везде равно.

— Нет, не равно: в Яшках небойсь мы платили по шести.

— То в Яшках, а то здесь, — продолжал дворник, — разя мы строим? Чай, Бог. Трогайте, ребята... любо будет.

— Да Яшки-то отсюда всего десять верст; в Камчатке они, что ли?

— Ну будет толковать: шесть гривен и я возьму; да уж овес какой, парень! Истованное золото. Задвигайте.

— Задвигать-то задвигать, — произнес другой извозчик, снимая шляпу и почесывая виски, — да раненько.

— Какой раненько? Ночь на дворе. Нешто дальше поедете?

— Неужли ж тут останемся? Десять верст отъехали, да и ночевать? — подхватил третий извозчик.

— В гибель такую... — покачивая головою, говорил дворник, — разя не видишь, что это такое? Каторга... давеча один купец бился, бился, — так и остался у меня ночевать.

— Ты нам не указывай, мы знаем без тебя...

— Как знаете... А куда, примерно, трафите?

— В Калугу.

— Подряду везете?

— Подряду.

— А то задвигайте, ребята: ночью прихватите, не совсем ладно; грязь, слякоть... упаси господи.

— Эй, Петруха, трогай! — раздался голос сзади обоза.

— Пехра, пропади вы совсем, — забормотал дворник, направляясь к двору. — Только знает, как бы погодить, набить цену. Поезжай! Авось держать не стану... калянется, как ахремовский мужлан.

Обоз тронулся. Дворник, взошедши на свое крыльцо, увешанное лаптями, котелками и большими кусками сырой баранины, принялся обчищать лучинкой сапоги. На лавочке, облокотясь на резные перила крыльца, сидел купец в калмыцком тулупе, покрытом синим сукном, и курил сигару.

— Грязненько, — сказал купец, глядя на сапоги дворника.

— Есть... — помолчавши, произнес последний. — Народу, пропасти на вас нет... выбежишь — думаешь: будет прок; а он почешет с тобой зубы и завернет рыло на сторону.

— Русский мужик любит покалянить, — проговорил купец и отплюнул в сторону.

— Еще как любит-то: иную пору ломается, ломается, из себя выйдешь. — «Фаддей Семеныч! хоть трыночку сбавь, хоть грошик...» А не знает, что тут грошика если не возьмешь, — разоришься, кругом разоришься; а для меня таперича он копейку, другой копейку... говорится пословица: «С миру по нитке...» Эко грязь, притка тебя возьми... никак не отскоблишь.

— Это справедливо, — сказал купец, закинув одну ногу на другую. — Вот теперь, куда ни поверни, наш брат то же самое...

— То-то и есть, — приподнявшись, заговорил дворник — эхти-хти... век жить — не орех грызть... что это зачерствел как ситник-от? Надо отдать его распарить — работники съедят, — заключил он, снимая с полки хлеб.

Купец молчал.

— Вы где спать будете, Иван Осипыч? — спросил его дворник. — Если угодно, так на сеннике; там важно...

— Нет, признаться, я боюсь на сене спать: говорят, в нем бывают разные веретеницы и казюльки всякие. Оно, может

статься, и впрямь: обыкновенно, сено, значит, привозят с лугов; а на лугах, бывало, ходишь, сколько их под ногами!.. кишмя кишат...

Купец отплюнул.

— А мы вот всё на сеннике бесперечь... и то сказать, как намаешься день-то, забудешь про веретениц и про все...

— Где-нибудь лягу, не беспокойтесь.

— Да у нас, слава богу, есть где лечь, окромя сенника: дом, кажись, не маленький... Чушь, куды, куды, гладкая, чу-ушь!.. — завопил вдруг дворник на свинью, которая из сеней заносила свою ногу на крыльцо. Через минуту свинья и дворник скрылись в сенях за дверью.

Купец погладил свою бороду.

— Здравствуй, касатик, — всходя на крыльцо, произнесла какая-то старуха с мутными впалыми глазами, одетая в дырявый зипун и повязанная истертой, мокрой тряпицей.

— Здорово, бабка, — сказал купец.

Старуха молча вынула из-за пазухи красную деревянную чашку, поставила ее на лавку и, побряхтевши, села.

Дождик усилился; с повети потекли ручьи; загудела подставленная к крыльцу кадушка. На улице с мокрым платком на шляпе быстро проехал мужик в порожней телеге, от которой летели в разные стороны брызги; под крыльцом брехнула собака и с визгом заежилась от пробиравшегося к ней дождя.

Купец запахнулся полою тулупа.

— Эх, какой полил!.. — сказал он, глядя на дорогу.

— Да; так и хлещет, — заговорила старуха. — Теперь других мужичков застанет в поле... ишь, зги не видать... Как бы, избави господи, хлебушек не попрел. Старуха вздохнула.